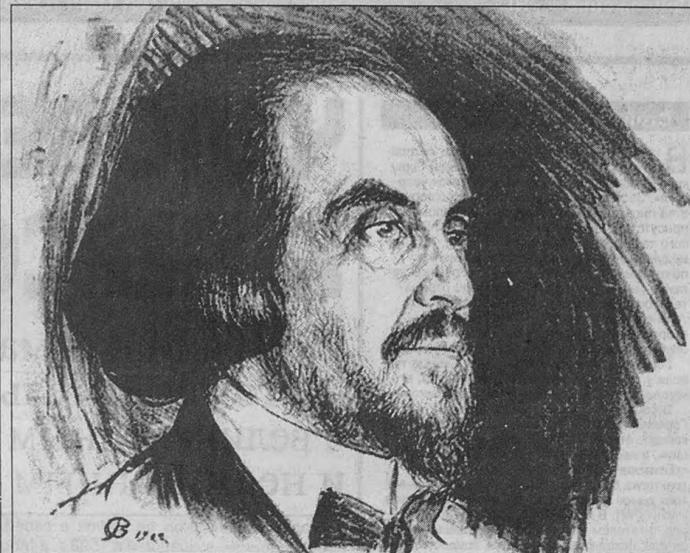

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ЧЕЛОВЕК И ПЕРСОНАЖ

ГОД ГОРЬКОГО. ВРЕМЯ БЕРДЯЕВА?

Великий русский философ ушел из жизни полвека назад

Филиппов. Портрет Николая Бердяева. 1922 г.

Борис Любимов

«Начал писать еще пьесу «Дачники». Думаю изобразить современную «буржуазно-интеллигентскую интеллигенцию», как выражался Бердяев. Очень хочется подарить «всем сестрам — по серьгам», в том числе и Бердяеву небольшую».

А.М. Горький — К.П. Пятицкому 24 июня 1902 года

ДВАДЦАТЬ четвертого марта сего года исполнилось 50 лет со дня кончины Бердяева, а в марте будущего — 125 лет со дня рождения мыслителя. В какой мере наше время можно назвать «бердяевским» и что от Бердяева входит в наше время спустя 100 лет (третий юбилей!) после первых его публикаций?

Бердяев вошел в интеллектуальную жизнь России трижды. Сначала — естественным путем, статьями и книгами. Затем, примерно лет тридцать назад, машинописными копиями, получаемыми «русскими мальчиками» от «русских отцов». Наконец, 10 лет назад, на втором этапе перестройки — «религиозной», в преддверии празднования 1000-летия христианства, когда сначала в газетах и журналах, затем корявыми репринтами без комментариев, потом в 6-марксистских изданиях с марксистскими предисловиями. Спустя 10 лет можно сказать, что Бердяев — едва ли не самый издаваемый из славной четверки «Вех» — Изгубивши (Струве, Булгаков, Франк). В какой мере прочитанный и усвоенный?

Время наше если и похоже на бердяевское, то лишь в одном смысле: мысль работает, словно на поле боя, по бердяевскому же определению. Общая нервность, неловкие к нужному мнению (тайное, от самого себя скрываемое) неверие в убедительность своего, скептическое отношение к общезначимым ценностям, к «узким» специалистам — за их «узость», к «широким» — за «пироту» — все это делает осмысление места Бердяева в исторической перспективе истекшего столетия трудно определяемым. Есть и еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания.

10 лет назад был дан старт движению, напоминающему известную математическую задачу. Из пунктов «А», называемых кафедрами марксистско-ленинской философии, помчались бегуны, «комсомольцы-богомольцы» в пункты «Б», именуемые Духовными Академиями, — от «прибавочной стоимости» к Святым Отцам. А навстречу им с той же скоростью несутся иные, от постной семинарской жизни к «свободе-у-себя-самого» или к «в-миру-бытию» — к постхристианству, к «Бог умер». И вот, встретившись в точке «русской религиозной философии», на станции «Булгаков-Бердяев», поселившиеся и полыевшие сорокалетние «русские мальчики» дружно показывают булгаковско-бердяевский язык, как в анекдоте про музыканта и Чайковского. Одни — за религиозность философии, другие за философичность религии. Обобщившись на молоке, дуют на воду.

И, наконец, внимательный читатель бердяевских текстов знает, как случалось Бердяеву взрывать, раздражать при прочтении текстов «далеких и близких». Так было со «Стопалом...» Флоренского или с книгой И. Ильина «О протилежном или силе». Так было и с «Путями русского богословия» о. Георгия Флоренского. И, отчасти, не зря Бердяев будто предчувствовал двойственную роль, уготованную этой яркой и мощной книге. «Историзм» о. Георгия (столь чуждый Бердяеву, недаром «Русская идея» — одна из самых слабых его книг, «мысль истории» как науки вряд ли осознал Бердяев в полной мере) надолго заволаговил отечественных мыслителей. «История русской философии» Зеньковского и Н. Лосского, «История Русской Церкви» Карташева, «Исторический путь Православия» о. Александра Шмемана, труды В. Лосского, о. Кириана (Керна) и о. Иоанна Мейендорфа, архиепископа Василия (Кривошеина) — вот пути русского «последнего Флоренского», на которых оно одержало свои очевидные победы. Да и нынешнему поколению лучше всего удаются прежде всего комментарии к книгам предшественников, чуть поуже — вступительные статьи к ним же, но только не оригинальные труды. А между тем кем Святы Отцы не были, так это «историками богословия». И если «историзм» о. Г. Флоренского, соблазнил последователей, привлек тем не менее к ошутимым результатам в сфере истории богословия и философии, то его призыв к «неопатристическому синтезу» смело можно отнести по ведомству «мечтательности» и «утопизма» русской мысли, на борьбу с которыми и открыл свое фундаментальное исследование о. Георгий Флоренский. И прежде всего — что это за «синтез»? Новый синтез прежних Отцов? Синтез старых Отцов с новыми? Синтез Отцов с новым временем? Изуми-

тельный дар чеканных формулировок отказал о. Георгию в самом необходимом моменте, в момент изложения положительной программы. Спустя 60 лет мы можем сказать, что этот синтез — ничуть не большая реальность, нежели «сединство» Соловьева, «интуиция» Лосского, «София» Булгакова, «антиномия» о. Павла Флоренского, «непостижимое» Франка или «свобода» Бердяева.

Солженицын как-то назвал творчество Бердяева «капризным». С этим трудно спорить. Подобно тому как нервный тик время от времени сотрясал Бердяева, заставлял его корчить гримасы, так и по его статьям и книгам вдруг пробегала судорога. Та судорога, что в худшие времена то загоняла в марксизм (в молодости), то принуждала в старости к формулировкам, за которые делается просто неловко. «На пороге новой эпохи», послевоенной, утверждал в Париже, что в России «нет больше религиозных гонений, нет воинственного безбожия, нет внешних стеснений Церкви». И все же, отнюдь не только юбилей ради, стоит задуматься, а что же остается, если «отмыслить» капризы Бердяева, его и нашего времени?

Можно наметить несколько линий, постоянных тем, проходящих через все 50 лет его творчества, не подвластных его капризам и отнюдь не принадлежащих только истории.

Прежде всего это — «спиритуализм» Бердяева, его приверженность Царству Духа в противоположность Царству Кесаря, какие бы оно ни принимало личности в течение века двадцатого. «Позитивизм», «наукозность», «экалендство», «буржуазность» — вот враги бердяевского «духа», и надо ли доказывать, что в начале XX века «буржуазность» и «экалендство» ничуть не превосходят, нежели в его конце, разве что агрессивнее и бездарнее, вырвавшись из-под опеки коммунистического кесаря. «...Революционный Иван Александрович берет управление департаментом... Революционные Чичиковы скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не с реальностями, они превращают в фикцию все хозяйство — экономическую жизнь России...» Вот наша революционная аграрная реформа, эсерская и большевистская, есть чичиковское предприятие. Она оперирует с мертвыми душами, она возводит богатство народное на призрачном, нереальном базисе», — эти формулировки, рожденные Бердяевым 80 лет назад, сохраняют свой животрепещущий смысл и сейчас. Это и есть то, что Бердяев называл «вечное в прошлом», и такой удачей у него было первое десятилетие после революции, включая «Философию неравенства», книгу, которой он впоследствии слегка стеснялся и которая на самом деле есть едва ли не вершина бердяевская. В ней его бурный темперамент обращен против подлинных врагов, а не мнимых, в ней соблюдена пропорция между бердяевским «творчеством» и консерватизмом, «аристократизмом» и «демократизмом», «свободой» и традицией. После бердяевских «бури и натиска» 20-х гг. начинается путь к его главной книге — «Философия свободного духа» — а затем — постепенное мление, разжевывание собственных идей.

Как только философ свое любимое слово — в буквальном и переносном смысле — начинает употреблять с большой буквы, неминуемо следует «трагедия философа», по выражению С. Булгакова. Превратив «свободу» в «Свободу», Бердяев потерял за ней контроль. Но восприятие и осмысление человека как «существа творческого» остается непрекращаемой заслугой Бердяева. Вряд ли кто-нибудь назовет Бердяева в числе наиболее значительных выразителей сущности Православия, а вот бердяевская формулировка этой сущности — одна из самых емких и глубоких, не уступающая хомяковской: «совершенство свободы в совершенстве сорботности; сорботность в свободе и свобода в сорботности». Ему случалось ошибаться в оценках современности и предсказывать будущее не реже любого из самых умных его современников, но вряд ли кто опроверг его прогноз пятидесятилетней давности: «Социальное переустройство мира будет сопровождаться уменьшением свободы. Это результат передвижения огромных масс и обращенность к материальному устройству жизни... После необходимого периода материализма предстоит период обостренной духовности...» Такой темп событий будет еще лет 50, то есть весь XX век, хотя и с антрактами (это он писал в 1940-м, как бы предвидя резкий слом нашего времени). Из этого «промежутка» — антракта Бердяев видел три исхода — распадение космоса, насильственный порядок и эпоху творчества. Что такое насильственный порядок, мы уже знаем. Если на пороге XXI века космос не распадется, если у русской мысли, «русских идей» есть не только история, начавшаяся эпоха творчества, автор книги «Смысл творчества» принадлежит той эпохе как один из ее певцов и пророков.

(Окончание. Начало на стр. 9) была найдена линия! Вертикаль подчеркивала устремленность ввысь его фигуры! Складки блузы скрывали худобу и сутулость, оптически расширяли плечи, оттеняли мощь шеи. Сапоги придавали эластичность походке. Высокий, странно одетый юноша весьма непривычно смотрелся на улицах провинциальных российских городов. Его крылатка, свинутая на затылок шляпа, мрачный вид и дубинка в руке выделялись контрастным пятном даже на фоне фантастического смешения одежд и лиц Нижегородской всероссийской ярмарки, куда он был послан в качестве репортера. А одна из сотрудниц его по «Самарской газете» вспоминала, как товарищи по редакции после совместных посещений театра объявляли бойкот. «Все из-за его костюма. — Да что же это такое, Алексей Максимович! — говорили мы ему. — Где в наши дни появились, все только на вас смотрят и смеются. Перемените пожалуйста, костюм на более обычный». Стойко отстоявали свои представления о приличии швейцары в ресторанах, отказываясь пропустить господина в блузе в зал. Когда он уже стал известным писателем и был приглашен в ресторан на обед, даваемый специально в его честь, — ему пришлось пройти с черного хода, так как парадного его не пропустил швейцар. Его приятель описал это стоившее ему весьма неприятных объяснений приключение: «После длительных переговоров со строгим швейцаром и вызванным метр-д'отелем, чтобы не обращать сведения на «нет» предстоящего торжества (обед ведь был заказан, и гости собралась), был найден компромиссный выход: решено провести посетителя «не в фрачной одежде» заимчивым швейцаром со двора».

В натуре провинциального журналиста Алексея Пешкова жила актерская жилка. Среди множества профессий, которые перепробовал будущий писатель, была и актерская. Одно время он подумывал создать передвижную актерскую труппу. Из игр, по свидетельству Юрия Анненкова, «Горький предпочитал костюмированные развлечения. Он являлся в красное жакет, в пирата, в калдуна, в лежего, передавался в женское платье, выворачивал пиджак наизнанку, прицеплял к костюму пестрые деревянные ложки, вилки, еловые ветки, рисовал женой пробой эспаньолку на подбородке или покрывал лицо ацтекской татуировкой, вытисал в свою трубку брусничный пучок или букетик земляники, прекрасной комедиянт, изобретал забавнейшие гримасы». Страсть к лицезрению выражалась в обыденной жизни в преувеличенно броской подчеркнутости его манер и костюма, расчленивших на постоянное присутствие пространственно отдаленной галереи. Как все нарочитое и сделанное, оригинальность эта легко перенималась. И по мере роста популярности Горького росло число подражающих ему поклонников, среди которых особое место занимали молодые литераторы, окрещенные «подмаксимниками», т. е. Полугорьки и Горьковатыми, как определяли их тогдашние остроумцы. В моду вошли длинные волосы и косоворотки, грубоватые манеры и пестрые походы по России. «Едва начинались каникулы — молодежь уходила «босая» на места, воспеваемые Горьким. Кто уйдет не мог — устраивали домашнее бесчестие: прямо, например, со службы бросались на лодках за Волгу, там зажигали костры, пили водку, пели песни о Степане Разине и философствовали, лежа без штанов на зеленом козозоре».

Но и сам он часто примерял костюм странника. И как бытовую одежду в пору своих скитаний. И как маскарнадный костюм (дочь его друга-химика Н.С. Васильева вспоминает совместную встречу Нового, 1898 года: «На встречу Нового года, не знаю, по чьей инициативе, вся фабрика (служащие) собрались ехать к Бакуниным в имение, ехали ряжеными. Алексей Максимович оделся странником»). Но при случае тот был подчеркнут и напыщенный его смысл. «От калики пережогое Максима Горького — богатыря земли русской В. Васнецову» (подпись на фотографии художника).

В КАРИКАТУРАХ, БАЙКАХ И АНЕКДОТАХ

Горький вошел в литературу в ореоле страдания. Скитания и голодная юность, проведенная в тяжелой работе, нажитая в нищете болезнь легких, простреленная после покушения на самоубийство грудь, конфликт с властями, тюрьма незадолго до выхода первой книги не были исключительно личным делом Алексея Пешкова, но с необходимостью входили в образ Максима Горького, страдающего и борющегося, становившего широко известными из многочисленных критических статей и из собственных произведений писателя. Рассказ «Вывод» Горький закончил словами: «Это я написал не выдуманно мною изображение истязания правды — нет, к сожалению, но не выдумка. Это называется — «вывод». Так называют выводу жен за измену; это вытовая картина, обычай, и это я видел в 1891 году, 15 июля, в деревне Кандыбовка Херсонской губернии Николаевского уезда». Рассказ построен по принципу газетного репортажа, хотя Горький и опускает ту важнейшую подробность, что он вступил за избиваемую женщину и был сильно изувечен. В Архиве Горького хранится письмо жителей Кандыбовки, написанное в то же время, когда основные действующие лица драмы уже умерли, но память о «выводе» Сильвестром Гайченко своей жене Гарпине еще сохранилась. Пафос документальности, подлинности произведений Максима Горького особо подчеркивался авторами критических

статей: «Все, о чем рассказывает Горький, он видел. Все описания земли и моря, представленные им, взяты из своих, собственных походов...» Бродяжничество он описал свое. Бродяги — все его товарищи, он их любил или ненавидел. Все его произведения бьют тем, что он вложил в них самого себя, почти не думая об этом». Размытые и бледные черты героя, от лица которого ведется повествование, неожиданно отзывались портретным сходством с автором. «Эта избитая любовником проститутка отогревала нашего мерзнувшего автора своим сердцем» (Иван Странник). Именно самого автора! Автор — главное действующее лицо. Не лирическое «я», не двойник, но автор, присутствующий на правах действующего лица, как журналист в репортаже с места событий. Горький ночевал в стугу соломы («Проходимцы»), терпел издевательства от сотоваршней по работе («На соли»), умер от голода в крымской степи и вместе со спутниками отнимал хлеб у большого рабочего («В степи») и т. д. Ответ будущей судьбы автора падал на его произведения, давая перспективу выхода из безнадёжности описываемых событий. Страдающий, униженный, нагруженный непосильными тяготами герой тайл в себе будущность прекрасного принца. «Нарру-энд», вынесенный за скобки повествования. Русский вариант Золушки — Иванушка-дурачок, Емеля, пойманый волшебной щукой. В 1893 г. никому не известный двадцатипятилетний провинциальный журналист пишет первый набросок своей автобиографии с несколькими претенциозными названиями «Изложение фактов и дум, от взаимности которых отсохли лучшие куски моего сердца». Соединение беллетристической занимательности и одновременно поучительности жизненного пути А.М. Пешкова оказалось как нельзя более подходящим для Максима Горького. В 1899 г. автобиография Горького, исполненная в стиле «псевдобиографического поп-арта» появилась в печати. И начала копачь по журналам, газетам, многочисленным критическим статьям.

«Вообще, вся жизнь Горького — это, в сущности, сплошной ряд биографических анекдотов, иногда смешных, но большей частью грустных», — уверял читатель С.Ф. Либрович, автор книги «Максим Горький в анекдотах и карикатурах».

По мере стремительного роста популярности он становился постоянным персонажем газетных страниц, карикатур и литературных анекдотов. В бесчисленных статьях хроника, в отделах сплетен, в сатирических фельетонах, шаржах, куплетах замелькало имя Горького. Скандал во время представления «Дядя Ваня», покупка им именина, его новые работы, его дружеские отношения с Шляпиным, его материальное преуспеяние, рост славы, знакомство с Толстым, волна перделок его прозы, мода на босюков — все становилось предметом обсуждения, насмешки, сплетен. Можно было не читать произведения Горького, но каждый читатель газет постоянно находился в курсе его дел, его замыслов, его симпатий. Всюду продавались его карточки (обилие этих карточек и любовь Горького к фотографированию были еще одной темой газетных забуждалов). Его имя использовалось в рекламе.

Уникален феномен известности среди традиционной неграмотной публики. Его почитали не как художника, им гордились как своим, схватившим за хвост удачу, но не забывшим своего прошлого. «Нижний базар гордится Горьким как «своим», который и на вершине социальной лестницы, в обстановке материального благополучия, не забыл своего прошлого, не потерял отъязчивости». Крестьянский поэт Н.Иванович-Новиков описал ситуацию так: «О Горьком черв учители и в первых грамотеях узнала деревня. Но узнала своеобразно, так как сочинений его не читала. Интересовала судьба, удача; по крайней мере, в ямнатидях верстах от сорода в моей родной деревне Горьким, не просто Горьким, а с прибавлением «Максим», окрестили моего товарища-запойника. И он был очень доволен новым прозвищем. Напиваясь, как называлось, до полной, он (мой сосед Михаил Фадеев) шел по деревне с будоражающей ночью сон криком: — Эй, вы... дьяволы... деревня стерговая — встречайте! Эй! Максим Горький идет!»

В книге «Рассказ Афоники-проходимца о скитальческой жизни Максима Горького» в главе «Горький у евреев» неизвестный автор рисовал картину мрачную: «Максим Горький служил некоторое время у евреев и получал приличное вознаграждение за то, что зажег свечу на шабаше, когда еврей по их религии нельзя отпугиваться до огня». Напротив, глава «Мнимый Горький» прямо искривила жизнерадостность: «В Москве по улице шел молодой человек, похожий на Горького, с дамкой под руку. Вдруг из толпы гуляющих вышла молодая дамочка, подбежала к похожему на Максима Горького мужчине и вскричала: — Великий Максим Горький, прими от меня поцелуй за

твою великую драму «На дне» — затем последовал звонкий поцелуй. Следовавшая с расцелованным господином дама ударила поклонницу М.Горького зонтиком, та ответила, и в конце концов вышла серьезная баталия». Анекдотические, курьезные, довольно неправдоподобные истории не затрагивали главного — основных черт сложившегося образа. Горький мог зажечь свечу на шабаше, но мацу не употреблял, дама могла съездить по физиономии, но лишь его двойника. Горький в жизни не был аскетом. И высоко ценил радости жизни. Отвзук находим в дневнике А.С. Суворина: «О Горьком говорили (с А.П. Чеховым. — О.Е.). Он идеальный человек. Но жаль, что он пьянствует». Но в «миф Горького» эти краски не вошли.

Как не вошли в миф Горького его неравнодушные к прекрасному полу, сменяющие друг друга красавицы — спутницы жизни. Даже самый яркий роман с Марией Федоровной Андреевой — первой красавицей художественного театра, женщиной, в которую был влюблен один из богатейших людей России Савва Морозов, — остался вне «легенды Горького».

Имя Горького скоро стало нарицательным. На улицах обворованные фигуры просили поаяния как «друзья Максима Горького», которые с ним «в одной ночлежке на соседних нарах обитали». «И уже не редко можно было услышать, как пробравшаяся на Верхневолжскую набережную небритая личность пропояция с Миллонки, косясь на зазевавшегося полицейского, обращалась к проходившему студенту или студентообразному интеллигенту: «Пожертуйте, коллега, на построение кокуши во имя Максима Горького...»

Миф о Горьком рано вышел из-под контроля одного человека, изменяясь от усилий газетчиков, исследователей, критиков, биографов, мемуаристов, руководителей работников, партийных решений. Придуман персонаж постепенно обзавелся собственной биографией, генеалогией, телесным обликом, собственной политической платформой и даже душевными болезнями.

ПУТЬ К УСПЕХУ

В 1896 г. М.Горький писал невесте: «Два хороших удара по самолюбию публики, и я — известность! Остальное — не трудно. Дальше для меня прелестней тем», точно предугадывал путь своей литературной известности. В книге «Сочинения» Максима Горького в оценке западноевропейской критики анализ причин успеха этого писателя итожится выводом: «Покровительство, установленное над Горьким вожакими различных политических групп, было, без сомнения, наиболее значительным из всех внешних факторов его безмерного успеха. До него ни одна из литературных звезд никогда не была фаворитом всех разветвлений общественной мысли».

В нашумевшей книге Н.Я. Стечкина «Максим Горький. Его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества» среди многочисленных указаний на крайне низкий уровень нравственности произведений популярного автора отмечено: «Вне всякого спора стоит распространность сочинений М.Горького среди читающей публики. Распространенность эта чрезвычайно и едва ли сравнима с распространностью каких бы то ни было других книг на русском языке. К сентябрю 1903 г. сочинения Горького были выпущены в количестве экземпляров: т.1-й рассказов — 55 000, том 2-й — 57 000, том 3-й — 59 000, том 4-й — 60 000, том 5-й — 52 000, пьеса «Мещане» — 58 000 и пьеса «На дне» — 75 000».

Распространялись его фотографические карточки. Предпринимчивые коммерсанты поместили его изображение на коробках папирозов. Д.Мереховский прочел его в случае народной революции в царя. Правительство было уверено, что он чуть ли не стоит во главе всего подпольного движения. Наконец, вершина популярности в России: появление самозванцев.

В 1903 г. журнал «Образование» сообщал о том, что в Климовичах появилась «новая личность в старом военном картузе, потертой рыжей визитке, дырявых невыразимых опорах на ногах, с хлещовой жиденькой во вместимости сумкою за плечами». Назывались Максим Горьким, обворованный собирал «жертвы» в простодушных горожан и пропивал их в трактирах. Сюжет, достойный пера Гоголя.

Курьезы с самозванцами поневолу, происходящие с лицами, которых принимали за любимого писателя, фигурировали в газетах постоянно. Соблазненные левушки, драки поклонник, толпа, восторженно встречающая усатого парикмахера... Если сюда добавить, что по России постоянно циркулировали слухи, слеплены и домыслы о частной жизни писателя, то становится особенно понятной сила карикатура, на которой Горький изображен на воздушном шаре, а подпись гласит: «Теперь мне наконец удастся спокойно поработать, и я гарантирован от надоедливости толпы».

ЧЕЛОВЕК И ПЕРСОНАЖ

Среди целой плеяды «выдуманных людей», возникших в грозном воздухе начала XX века, в которой политические деятели и авантюристы, томные поэты и Прекрасные дамы, Черубина де Габриа и Григорий Распутин, среди людей с именами-псевдонимами, биографиями-легендами, рожденными (преображенными) напряжением собственной творческой воли, Максим Горький привлекает особое внимание. Масштабом образа, силой его воздействия, легендарным ореолом.

«Реальный» Алексей Максимович Пешков и «выдуманный» Максим Горький находились в сложном соотношении друг с другом. Блестящий аналитик Владислав Ходасевич в

Жизнь коротка, искусство вечно
КУЛИСА НГ
Приложение к «Независимой газете» по культуре и искусству
Выходит два раза в месяц
Ответственный редактор Виктория Шохина
Над номером работали:
Екатерина Барабаш, Григорий Заславский, Рустам Рахматуллин, Владимир Халтурин
Корректурка:
Нина Гайдукова, Светлана Игнатова
Компьютерная верстка:
Сергей Куришев, Наталья Зинякова, Надежда Романова, Татьяна Тулупова, Екатерина Силаева, Константин Федулов
Иллюстрации:
Дина Нурмухаметова, Илья Сергеев, Сергей Бомштейн
Телефон редакции
928-81-88
© «Независимая газета»
© «Кулиса НГ»